

УДК 81

Н.Х. Тукодян

кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

rgrichenko@yandex.ru

**«ДЫШИТ ПОЧВА И СУДЬБА»:
О ЛИРИКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ПАРИЖСКОЙ НОТЫ»**

**[*Tukodyan N.Kh.* «Dishit pochva i sudba»:
about the lyrics of «Paris note» representatives]**

The domestic literature is characterized by the increased interest to the emigrated poets' heritage. The majority of scientists prefer to study the works of famous poets and writers who managed to achieve success in pre-revolutionary Russia and continued their creative work abroad. Young talents lived in exile and new poetic associations remained out of sight. "Paris note" is the phenomenon of Russian literature. The uniqueness of "Paris note" is that its birth and existence were far away from home – in exile. In the given article observation of poetic skills of "Parisians" (G. Adamovich, G. Ivanova, N. Otsup, B. Poplavsky, Y. Terapiano, L. Czerwinski, etc.) is conducted in the way of the unity of ideas and style in which the determining factor is the world of a poet. "Parisians'" outlook is characterized by dichotomy. The main contradictions include: a desire to return and the inability to do it, the feeling of oneself in over-peacefulness and life in the real world. The predominant form of XIX-XX centuries poetry is a poem / a poem-elegy based on personal experience motives: loneliness, disappointment, suffering, transience of life.

Key words: lyrics and its genres, poem, poem-elegy, peculiarities of poetic language, poetic figures, poetic phonetics, semantics of a word.

Известно, что «каждое лирическое произведение, которое всегда неповторимо, несет в себе целостное мировосприятие поэта, рассматривается не изолированно, а в контексте всего творчества художника» [4, с. 282]. Обращаясь к лирике отдельных представителей «парижской ноты», мы объединяем ряд произведений тематически, останавливаясь на стержневых идеях, переживаниях, раскрытых в них.

Известный исследователь «парижской ноты» как феномена русской литературы В. Крейд нашел в тематическом основании поэзии «ноты» «лирический треугольник»: Россия – чужбина – надмирность [9, с. 19]. В «лирическом треугольнике» «парижан» можно выделить спектр полутем. Одна из них – прошлая Россия, существующая как реальная:

И вижу широкую реку,
И темную тень на коне,
И то, что забыла Россия,
Тогда вспоминается мне.
(Г. Адамович) [5, с. 26]

Лирический герой и автор слиты, субъективное повествование дается как объективная реальность. Рассказ может субъективизироваться введением действующего героя:

Речь про дожди, урожай, молотьбу.
(Сдержанно, чинно, ответы – вопросы),
Речь про крестьянскую боль и судьбу...
Лиц не видать. Огонек папиросы.
(А. Штейгер) [2, с. 544]

Создается впечатление присутствия автора на месте действия.

Наряду с этим сильна тематика гибели России, потерянной страны, которая похоронена под снегом, сдавлена льдом:

И Россия, как белая лира,
Над засыпанным снегом судьбой
(Г. Иванов) [5, с. 230]

Центром заснеженной России для поэтов-«парижан» был Петербург. Он главная точка на ее карте:

На земле была одна столица,
Все другое – просто города.
(Г. Адамович) [5, с. 230].

Кроме «России живущей» и «России погибшей» существует «Россия покинутая». С темой покинутой родины перекликаются темы памяти и забвения. Память сохраняет образы прошлого, которые столь ярки, что постоянно заставляют переживать трагические события снова и снова: прощание с родной, момент отъезда за границу... Но даже если это приятные воспоминания, они непременно вызывают чувство тоски по прошлой жизни, по далеким и добрым временам, по той стране, где не чувствуешь себя чужим. Память связывается с болью и вызывает желание избавиться от нее:

... Десять прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть...

Ничего не забываю,
Ничего не предаю...
Тень несозданных созданий
По наследию храню
(Г. Адамович) [5, с. 25-26].

Поэты «вечно ищут забыть и забыться». К примеру, забытье воспринимается Г. Адамовичем как благо:

Еще успокоимся мы, о былом забывая... [5, с. 24].

Избавление от памяти недолгое. Скоро родная, далекая земля снова будет перед глазами.

Русское обычно противостоит чужбинному. Такое резко негативное отношение к загранице отличается от некоторой космополитичности поэтов Серебряного века. О неприятии чужих берегов пишет Н. Оцуп:

Как часто я прикидывал в уме,
Какая доля хуже:
Жить у себя, но как в тюрьме,
Иль на свободе, но в какой-то луже
(Н. Оцуп) [5, с. 366].

Г. Адамович обращается к советской власти со следующими словами о стране, которая приютила изгнанников:

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнанье.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существованье»
(Г. Адамович) [5, с. 24].

Покинув родную землю и не найдя духовного приюта на другой, поэт попадает в особый мир, в над-мирность:

По синему царству эфира
Свободное сердце летит...
(Г. Иванов) [5, с. 229].

В большинстве случаев это пространство, где, кроме одинокой души, нет ничего и никого. В зависимости от индивидуального внутреннего опыта каждый из поэтов чувствует себя по-разному: согрет любовью Творца, окружен

холодной пустотой или занят самопознанием. Именно в такие моменты особенно остро встает вопрос веры. Обращения к ней были у каждого из «парижан». Г. Адамович прямо указывает: «эмигрантская литература сделала свое дело потому, что оставалась литературой христианской» [2, с. 21].

Среди поэтов-«парижан» более светлой тональностью отмечено творчество Ю. Терапиано, религиозный настрой которого влечет к жизнеутверждающему приятию мира:

Я вдыхаю грудью полной,

С благодарностью всему,

Этот воздух, эти волны, побеждающие тьму [5, с.471].

В. Яновский рассказывал об увлечении религией Б. Поплавского: «Постился, молился, плавал и поднимал тяжести до изнеможения, хлопотал над гимнастическими аппаратами, убивающими плоть. Он сочинял для себя нечто похожее на вериги... Неизвестно, насколько серьезна была эта попытка веры, может быть, это затронуло Б. Поплавского глубоко, может быть, это было увлечением атрибутикой. Скорее последнее, потому что для него Мадонна осталась «черной» («Черная Мадонна» – одно из самых знаменательных стихотворений Б. Поплавского – Н.Т.), а духовный мир – заселенными мистическими, чаще уродливыми существами и ангелами «в измятом костюме весны» [11, с. 280].

Г. Иванов, наоборот, православной службой (или вообще какими-либо религиозными действиями) не увлекался, но у него были моменты божественного озарения.

Многочисленные испытания, через которые поэтам «ноты» пришлось пройти, способствовали развитию фаталистических настроений. В связи с этим в их поэзии фигурирует мотив неизбежности:

А я верю не в непобедимость зла,

А только в неизбежность пораженья.

(Г. Иванов) [5, с. 230].

Солнечный луч проникает в окно

в противоречии с жизнью, в которой

холодно, тесно, темно.

В противоречии с ним – неизбежность
гибели близкой, разлуки, конца...
(Л. Червинская) [5, с. 518].

Это одиночество – одна из причин «безмолвия», которое присуще большинству «парижан». Мотив немоты – центральный в их творчестве. Причин такого безмолвия много. Кроме одиночества, – погруженность в горе, состояние, близкое к потере связи с миром, достижение «нуля пустоты», о котором писал Г. Адамович в «Комментариях». По его мнению, чем мудрее поэт, тем меньше он пишет. Максимальную простоту выразить невозможно, поэтому «парижанам» остается молчание: «И пусть не намекают мне с сочувственной усмешкой на бессилие: умышленно, сознательно предпочитаю молчание» [1, с. 155]:

Как называется, когда
Ничто душе не помогает?
(Н. Оцуп) [5, с. 365].

Бросится наземь хотелось, забыть, замолчать...
(Б. Поплавский) [5, с. 386].

Таким образом, «парижане» столкнулись с той же проблемой, которая мучила В. Брюсова за несколько десятилетий до этого: «Передавать оттенки чувств обыкновенными формами поэзии невозможно – потому что нет названий и слов для них» [10, с. 39].

Но безмолвие не понимается однозначно. Так, у Б. Поплавского оно может быть связано с самыми светлыми минутами жизни, когда достигается высшая точка блаженства, когда говорить не нужно. Пребывание вне родной почвы обернулось для поэтов «парижской ноты» трагическим отчуждением, чувством зря прожитой жизни, бессилием что-либо в ней изменить, совершенным творческим одиночеством. Все это привело к полному отключению от окружающего мира и к яростному, упрямому отрицанию: «забыл», «не знаю», «ничего», «никого».

Стихи, пронизанные горькой иронией отрицания, полны поэтических образов луны, весны, моря, соловьев, чаек, музыки и особенно звезд и роз, но эта поэтичность дана с обратным знаком. Если ранние, до эмиграции, это были розы в петлице, розы в драгоценной вазе, то теперь это вянущая роза, подобранная на панели и выброшенная в помойное ведро.

Мировая красота сменилась мировым безобразием, «скукой мирового безобразия». Знаковым является название романа Б. Поплавского об эмигрантах – «Аполлон Безобразов».

Всюду концентрация снижения всей окружающей жизни и вместе с тем драматическое соединение событий, образов, явлений в их контрастном, противоречивом, взаимно уничтожающем стыке. То и дело речь идет о грани, казалось бы, несовместимых состояний – «На границы снега и таянья». Противоречивые понятия рождают взрыв и придают совершенно новое, неожиданное значение привычным в понятиях словам. У Г. Иванова, к примеру, совершенно неожиданно звучит традиционное в классической поэзии слово «сияние». В нем уже не привычное лирическое созерцание, а взрывчатое столкновение, когда взаимно уничтожающие, противоречивые понятия рождают вспышку – сияние перед полетом в небытие. Тот же полет в небытие концентрируется у него в слове «музыка». И «сияние», и «музыка» предшествуют и сопутствуют гибели жизни.

Д. Мережковский, имея в виду Г. Адамовича, писал в «Иисусе Неизвестном»: «...умный и тонкий человек, до мозга костей отравленный чувством Конца» [7, с. 181]. С этой точки зрения «парижане» были истинными поэтами, так как о смерти они помнили всегда (например, из сорока стихотворений сборника Г. Иванова «Розы» о смерти не упоминается лишь в четырех).

Исследователи эмигрантской поэзии отмечали тяготение «парижан» к лирике дневникового характера, что никак не противоречит принципам искусства: в дневнике – самое сокровенное, интимное. Дневниковые записи просты в оформлении мысли, а ничто так не порицалось в кругу «парижан», как орнаментальность и вычурность. Наверное, не случайны названия сборников Г. Иванова «Посмертный дневник», Н. Оцупа «Дневник в стихах», Б. Поплавского «Из дневников 1928-1935 годов».

Аскетичность в плане выражения мыслей являлась продолжением тенденции упрощения рисунка стиха, характерной для акмеизма. Н. Гумилев и члены «Цеха поэтов» называли одним из значимых имен Теофиля Готье, который «для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм» [6, с. 402].

Однако «парижане» развили это положение и, в отличие от Н. Гумилева, обучавшего писать стихи, требовавшего ежедневной многочасовой работы,

считали, что простоты можно достичь лишь естественным путем, не обрабатывая фразу много раз, а записывая ее в первоначальном виде: «Не высиживая стихов, как курица цыплят» (Г. Адамович).

Конечно, стихи не возникали из ниоткуда, и внешняя легкость стихотворчества была кажущейся. Это «многовековая, молчаливая духовная работа, приправленная бесчисленными западнями и внезапными пробуждениями в тупике», – читаем в «Комментариях» Адамовича. [1, с. 176]. О том же говорится в стихотворении – поэтическом завещании Г. Адамовича, который, как и В. Брюсов в послании «Юному другу», дает секреты мастерства. Другими словами, «поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и определенное, ясно выговоренное представление» [3, с. 296].

Как уже отмечалось, поэзия «ноты» вобрала черты не только акмеизма, но и символизма: она отмечена особой символикой. В создании художественного образа заснеженной России большую роль играет использование символики снега. Реальные физические характеристики снега: холод, возможность растаять или превратиться в лед – переносятся в область человеческих ощущений:

Что там было? Ширь закатов блеклых,
Золоченых шпилей легкий взлет,
Ледяные розаны на стеклах,
Лед на улицах и в душах лед
(Г. Адамович) [5, с.25].

Между Россией и эмиграцией, прошлой культурой уже воздвигается стена; но, пока память горяча, пока процесс прощания длится, – кажется, что не стена, а снег, идущий следом за изгнанниками и заметающий дорогу домой, в Россию, и – на обратном конце дороги – саму Россию, этот снег (основное назначение которого заметать, засыпать) существовал в поэзии «ноты» как символ катастрофы.

В раскрытии авторского мироощущения значительное место отводится символике звука и цвета. Наряду с реалистическими звуками используются звуки-символы, сталкивание их с символом тишины. Нередко в обрисовке ситуации молчания, когда «тихо в сердце», раздается какой-либо звук, чаще звон или дребезжание колокола. Это может быть звон бубенцов, как примета чисто русского быта:

Этот звон бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег...
(Г. Иванов) [5, с. 230].

Дополняет звуковую картину мира цветовая палитра, состоящая в основном из холодных тонов, например: синее царство эфира, синяя даль, небо голубое, лазурь озерная:

И синий луч твоих бессонных глаз...

(Н. Оцуп)

Синей паутиною (хвоста или моста),
Линией павлиньей. И все же неспроста...

(Г. Иванов)

Из голубого океана,
Из голубого корабля,
Из голубого обещанья,
Из голубого La-La-La...

(Г. Адамович)

Только птица вздыхает без дела
В синих ветках туманных высот...

(Б. Поплавский)

По синему царству эфира
свободное сердце летит...

(Г. Иванов)

[5, с.367, 231, 24, 388, 229].

Часто голубой, синий цвета передают зыбкость существования, а также являются символами вечности, могут сопутствовать смерти (то же значение цвета и в поэзии А. Блока) [8, с.160].

Характеризуя поэтическую семантику стихотворений «парижан», необходимо отметить, что при обрисовке душевного мира героев, ситуации соприкосновения с ирреальностью используются абстрактные существительные (эфир, бездна, бесконечность, даль, вселенная, сияние, холод), цветочные прилагательные холодных тонов (синий, голубой, лазурный), глаголы с семой «плавность движения» (летит, плывет, скользит).

Стремление к акмеистической четкости и безупречности линий проявилось в особенностях поэтического синтаксиса (эллиптические и односоставные предложения, ряды однородных членов и др.). Интересно, что в качестве повторяемых элементов «парижан» - сказуемое (глаголы и краткие прилагательные), в отличие от символистов, избравших для этого определения. Это приводит, как известно, к упрощению рисунка стиха. На звуковом уровне характерно наличие ассонансов и аллитераций, которые способствуют лучшему восприятию ситуации.

Подводя итог изложенному, отметим: «парижане» продолжали традиции русской классической поэзии (А. Пушкина, М. Лермонтова) и модернизма (акмеизма, символизма). Но в творчестве они были достаточно самостоятельны, развили некоторые имеющиеся тенденции (упрощение стиха) и создали свой оригинальный стиль. Для них характерен круг тем, связанных с духовным опытом, своя манера выражения мысли и чувства. Однако при всем единстве поэтических традиций наследия «парижан», творчество каждого из них индивидуально и неповторимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамович Г.* Комментарии // Знамя. 1996. № 3.
2. *Адамович Г.* Одиночество и свобода // Литературно-критические статьи. СПб., 1993.
3. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1978. Т.3.
4. Введение в литературоведение / Под ред. Л.П. Крупчанова. М., 2005.
5. Вернуться в Россию – стихами: 200 поэтов эмиграции: Антология. М., 1995.
6. *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии // Стихи. Проза. Иркутск, 1992.
7. *Коросылев О.* Комментарии о «Комментариях» // Литературное обозрение. 1996. № 2.
8. *Краснова А.* Поэтика Блока. Львов, 1973.
9. *Крейд В.* О духовном опыте эмигрантской поэзии// Вернуться в Россию – стихами: 200 поэтов эмиграции: Антология. М., 1995.

10. *Пендин С.И.* Программа поэтики нового века // Серебряный век в России. Избранные страницы. М., 1993.
11. *Яновский В.* Елисейские поля (О Б. Поплавском) // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994.
12. *Михайлова Л.М.* Особенности перевода поэтических текстов (на примере сонетов У. Шекспира) // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. <http://www.hses-online.ru>

REFERENCES

1. *Adamovich G.* Comments // Banner. 1996. № 3.
2. *Adamovich G.* Loneliness and Freedom // literary-critical articles. St. Petersburg., 1993.
3. *Belinsky V.G.* Works: 9 volumes, 1978. V.3.
4. Introduction to Literature / Ed. L.P. Krupchanova. Moscow, 2005.
5. Return to Russia – verse 200 poets emigration: An Anthology. M., 1995.
6. *Gumilev N.S.* Letters of Russian poetry // Poems. Prose. Irkutsk, 1992.
7. *Korosylev O.* Comments on "comment" // Literary Review. 1996. № 2.
8. *Krasnov A.* Poetics of Bloc. Lviv, 1973.
9. *Kreid V.* On the spiritual experience of exile poetry // Return to Russia - verse 200 poets emigration: An Anthology. M., 1995.
10. *Pendin S.I.* The program of the new century poetics // Silver Age in Russia. Selected pages. M., 1993.
11. *Yanovsky V.* Champs Elysees (O B. Poplavsky) // Distant Shore: Portraits of writers emigration. M., 1994.
12. *Mikhailova L.M.* Translation features of poetic texts (on the example of Shakespeare's sonnets) // Humanities and Social Sciences. 2010. № 5. <Http://www.hses-online.ru>

21 апреля 2014 г.